

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Изучала грузинский язык, занималась переводами поэзии и прозы. По окончании института получила приглашение в Тбилисскую коллегию переводчиков при СП Грузии. В 1988–1991 жила в Тбилиси. Из-за войны была вынуждена покинуть Грузию и с 1992 года жила в Нью-Йорке. Занималась поэтическими переводами с грузинского (в частности, перевела на русский язык стихи Терентия Гранели). Переводила статьи с русского на английский для нью-йоркского журнала «Слово/Word», в последние годы жизни работала ответственным секретарём в нью-йоркском «Новом журнале». Умерла от меланомы в нью-йоркском хосписе. При жизни вышли книги стихов «Маршрут» (Нью-Йорк, 1998), «Чёрным по белому» (Москва, 2002), «Я взошла на горы Сан-Бруно...» (Нью-Йорк, 2007). Посмертно вышла книга стихов, рассказов, путевых заметок «Я жить вернусь...» (2010).

НЕТ ТЯЖЕСТЕЙ. ОДНА ДУША

К МАМИНОМУ ПОРТРЕТУ

Посмотреть — только кости да кожа,
да угрюмые кисти волос.

На тебя я тем больше похожа,
чем во мне больше струн порвалось.

Чем темнее поля под глазами
— тем светлей этих глаз глубина.
Мама, как получается с нами,
что и жизнь лишь над смертью видна?

Ты хотела в лесах притаиться,
ты хотела пореже дышать
— но стволами не откупиться,
но не море стволами сдержать.

Ты могла быть всех женщин моложе,
всех мужчин ты могла быть смешней.
Но душа, словно кости под кожей,
проступала сильнее и сильнее.

Слишком сильные мы в этом мире.
Слишком нежные струны на нём.
Непохожими в мир приходили
— одинаковыми умрём.

1983

ПЕСНЯ ДЛЯ ИННЫ

Когда открыла окна в сад,
ты поняла: сейчас умрёшь.
Последним вздохом — аромат
всех сорванных цветов вдохнёшь.
Последним взглядом — с высоты
увидишь жизнь свою как шар.
А сборы в этот раз просты —
нет тяжестей. Одна душа.

— Прощайте, милые мои!
Я вижу вас, я вижу всех.
Все ваши ночи, ваши дни,
все ваши горести и смех.
Все луны, солнца и сердца
и волосы, что на ветру
вам захлестнули пол-лица,
с собою в душу заберу.

— Скажите детям: на вокзал
ушла, к зелёным поездам.
Простите, мне вас очень жаль.
Но я, как только буду там,
на землю посмотрю тотчас.
И в темноте держав земных
я так же буду видеть вас,
как звёзды в небесах ночных.

1987

РЫЖАЯ

Ушла, но не прошло и получаса
— пришла и села посреди двора,
хвостом укутав лапы. Вместо глаза
— сочащаяся красная дыра.

Светило солнце и жужжала муха.
Все замерли — цыплята, люди, кот
— и отступили. Посредине круга
она сидела, чуть качаясь взад-вперёд.

Шептали люди: «Господи! как можно
так много потерять за полчаса!»

— и осторожно, очень осторожно
руками трогали свои глаза.

Еще вчера они тебя манили
и гладили, и говорили: «Кис!
Ах, если б мы кого-нибудь любили
Так беззаветно, как ты душишь крыс!
— Мы жизни бы своей не пожалели!
Дай только крысу, чтобы полюбить!»

Теперь молчат. Твой мертвый глаз алеет.
Другой — презренье не даёт открыть.

Н. Афон, сентябрь 1992

* * *

Я пришла в сумасшедший дом,
чтобы было с кем говорить.
Мне сказали: смотри на огонь,
он поможет тебе ожить.
Он поднимет твои волоса,
он разбудит память и страсть.
А как научишься воскресать
— ты должна на море попасть

— где остался от всех речей,
диалектов, судеб, племён
только профиль волны ничей,
только гладкий песчаный склон.
Где так просто оставить след
и так просто его стереть.

— Ты должна на море смотреть
— оно поможет тебе умереть.

1994

* * *

— Что вы будете делать после смерти? —
спросили Черчилля.
— Первую тысячу лет я буду рисовать.

Первую тыщу лет ты будешь солить и перчить,
а я буду в мебель кидать свой черный металлический
ножик.

А за окном на заборах пузатый Черчилль
будет красным мелком рисовать прохожих.

Господи! — отпусти, дай нам делать лажу,
на голове стоять, продавать зубную
пасту; это в жизни надо быть важным
— рисовать, летать и писать стихи врасписную,

а после смерти всё хорошо, красиво.
В белых рубашках чистые дети рая.
Можно лежать на пляже и быть счастливым,
раз в тыщу лет занятье свое меняя.

Не надоест, не станет тошно и скучно,
и на душе — не мрачно, как в чашке с чёрным
кофе, и не удастся себя замучить
ради того, чтоб поэтом быть и актёром.

...первую тыщу лет
Эйнштейн будет держать аптеку
Рабиновича,
продавая в ней панацею.

Я иногда поднимаю голову кверху,
чтоб посмотреть, как проходят, тихо белея,
по небу наши жизни, как лев и лодка.
Вон они мы — это ли не утешенье?

Кто там внизу ищет себе решётку
и надрывно летает по дням рожденья?

Февраль 1995

БЕЙТ — ХА — КВАРОТ¹

Над могилой не виснет листва, и надгробье моё —
без портрета.

Ни ограды вокруг — никакого подобия дома.

Чтобы прямо и быстро взлетела душа, как ракета.

Чтоб, взлетая, она не запуталась в чём-то знакомом.

Чтоб она по дороге не сделалась птицей на ветке
или рыбой в ручье, не смешалась бы с дымом сигары.

Чтоб она не помчалась к заветной любовной отметке,
как собака несётся к столбу своего писсуара.

Чтоб она на себя не взяла никакую личину.

Чтоб не знала она ничего, кроме грома и свода.

Чтоб, взлетая, забыла, кем — женщиной или
мужчиной

ковыляла она по путям, спотыкаясь о годы.

Потому что мы были угрюмые косные люди.

Мы отдали земному и божью и царскую долю.

¹ Еврейское кладбище (*иврит*).

Кто умел полюбить — тот умеет забыть.

Мы — забудем.

Мы послушались Бога, как Он повелел — и довольны.

Пусть душа начинает опять как когда-то — в пустыне.

Пусть не будет за яркой чертой ни войны, ни охоты.

Только жёлтые камни ко мне приносите отныне.

Только круглые жёлтые камни — отточье свободы.

Февраль 1995

* * *

Благо-получье с-состояньем
— мне это никогда не снится.

Я и простому выживанию
не понимаю научиться.

Пытаюсь завязать ботинки,
на право-лево рассчитаться
— но все блестящие картинки
поверх насущного ложатся,

рябят, дрожат, переливаясь,
все путают и преломляют.
И вот — я в стену лбом втыкаюсь,
рот открываю мимо чая.

Так в воду брошенной монетке
на дне фонтана, ручейка
— ей не мечтать о прочной сетке,
обивке мягкой кошелька.

Зато! — зато не будет счёта.
В свинью не бросят, на съеденье
не отдадут. Одна забота:
блести улыбкой идиота,
лежи залогом возвращенья.

* * *

Сколько надо сглодать просвир,
износить железных сапог,
чтоб попасть на счастливый пир,
где бы мёд, наконец, потёк.
И в счастливом конце-венце
возлежать за столом во дворце.
Но, когда я мёд пригублю,
вспомню, что его не люблю.

Вслед за этим вспомню ещё:
как деревья стоят на снегу.
И ещё, и ещё, и ещё...
Этот мёд я пить не могу.

А когда пойдёт разговор —
беден мой словарный запас.
На ночном ветру до сих пор
я кричала клочками фраз —
остальное сносило вбок,
возвращая искры в лицо.

— А пойду-ка я на крыльцо,
зашивать железный сапог.

СТРЕЛА

Стихов я не писала никаких.
Стихами этими другое что-то было.
Зверьки какие-то... Случайные перила, —
И я хваталась, падая, за них.
Но это было прежде, а сейчас
Растянут лук со страшной, страшной силой,
И для стрелы, что силы набралась,
И жизнь, и смерть, и стих невыносимы,
И каждый миг, как век, не вмоготу,
И жизнь со смертью, расступаясь в стороны,
Ушли с пути стрелы — и пустоту
Поставили звенящим коридором.

Все отойдите! Мамочка, прости,
Что твой же лук ещё сильнее согну я,
И до твоих до тридцати пяти
Уже древком в мишени задрожу я.